

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

УДК 1 (091)

DOI: 10.17223/1998863X/44/25

И.Д. Джохадзе

«ПРАГМАТИЗМ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ»: ХИЛАРИ ПАТНЭМ И РУТ АННА ПАТНЭМ О ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ ДЖЕЙМСА И ДЬЮИ¹

Сборник статей Хилари и Рут Анны Патнэм заставляет по-новому взглянуть на полутора столетнюю историю американского прагматизма. Ч.С. Пирс, который считается основоположником этой традиции, упоминается в книге едва ли не вскользь. Все внимание сосредоточено на Джеймсе и Дьюи как истинных классиках и выразителях «инспиративного духа» прагматизма. По мнению авторов, значение Пирса и его философских открытий («максимы прагматизма», теории абдукции, фанероскопии) сильно преувеличено. Патнэмы пытаются уйти от стандартных историко-философских схем и интерпретаций наследия классиков. Для них прагматизм – не академическая традиция и даже не философская школа, а нечто большее: «образ жизни».

Ключевые слова: прагматизм, максима Пирса, дихотомия «факт – ценность», сомнение, верование.

В исследованиях о прагматизме принято выделять две основных тенденции, или вектора, развития этого направления в XX–XXI вв. – линию Ч. Пирса и линию У. Джеймса. «Правому» прагмати(ци)зму Пирса и его философских последователей (К.И. Льюиса, С. Хаак, Х. Патнэма, Н. Решера) противопоставляется «левый», более открытый и дивергентный, менее замкнутый на эпистемологической проблематике, несциентистский прагматизм «джеймсианцев» – Ф.К.С. Шиллера, Дж. Дьюи, С. Хука, Р. Рорти, К. Уэста, Р. Шустермана и др. Статьи Рут Анны Патнэм и Хилари Патнэм, собранные Д. Макартуром для издательства Гарвардского университета, заставляют усомниться в корректности этой стандартной историко-философской схемы. В книге о прагматизме, один из авторов которой, Х. Патнэм, считается едва ли не главным представителем «правого» лагеря прагматистов (достаточно вспомнить его полемику с Рорти), Чарлз Сандерс Пирс, основоположник традиции, упоминается едва ли не вскользь. Все внимание философов сосредоточено на Джеймсе и Дьюи как истинных классиках и выразителях «инспиративного духа» прагматизма.

Какая же роль отводится автору «Закрепления верования» и Кембриджских лекций 1898 г.? Кажется, Патнэмы разделяют мнение Рорти, который как-то заметил, что «единственная заслуга Пирса перед прагматизмом заклю-

---

¹ Рецензия на книгу: Putnam H., Putnam R.A. Pragmatism as a Way of Life: The Lasting Legacy of William James and John Dewey / ed. by D. Macarthur. Cambridge : The Belknap Press of Harvard University Press, 2017. 475 p.

чается в том, что он придумал для него название, а заодно стимулировал Джеймса» [1. Р. 161]. Во всяком случае, они дают понять – хотя напрямую, конечно, этого не утверждают, – что значение философских открытий Пирса (пресловутой «максимы прагматизма», теории абдукции, фанероскопии и др.) сильно преувеличивается его нынешними апологетами.

Истоки традиции

Бытует мнение, что Уильям Джеймс сыграл пусть и заметную (в практическом отношении исключительно важную), но теоретически второстепенную роль в судьбе прагматизма. Это не так, возражают Патнэмы: Джеймс с полным правом может считаться отцом-основателем прагматистской традиции. Уже в своей дебютной статье, опубликованной в 1878 г. в «Журнале спекулятивной философии», он высказывает идеи, которые спустя полвека разовьют американские прагматисты поколения Дьюи и их позднейшие эпигоны. Наивно-позитивистской модели познания как «зеркального» отражения объективной реальности (*spectator's point of view*) Джеймс противопоставляет идею взаимодействия с реальностью в процессе ее исследования и преобразования (*agent point of view*). Познающий субъект, говорит он, не просто фиксирует истины, которые находит в готовом виде, но «создает» их. Постигая мир, мы изменяем его (р. 124–125).

Философские искания и труды Джеймса в период между 1878 г. и выходом в свет лекций о прагматизме (1907) свидетельствуют о его полной самостоятельности и интеллектуальной независимости (во всяком случае, от Пирса и кембриджских «метафизиков»). Никакого спада, провала или «застоя» в развитии прагматизма в последние два десятилетия XIX в. не было и в помине, убеждена Р.А. Патнэм. Напротив, Джеймс в своих журнальных статьях и набросках к будущим книгам демонстрирует верность той прагматической «установке» (*attitude of orientation*), которая, как он сформулирует в лекции 1906 года, «заставляет мыслителя отвращать взор от всякого рода абстракций, принципов, первых вещей, “категорий”, мнимых необходимостей и обращаться к фактическому, последним вещам, практическим результатам» [2. Р. 32]. Он уже *был* прагматистом, хотя и не называл себя так.

Прагматизм или прагматизмы?

Для Патнэмов прагматизм – не академическая традиция и даже не философская школа, а нечто большее: «образ жизни» (*way of life*). Авторы любят ссылаться на Джона Дьюи, который писал, что философия «подлинно обретает себя лишь тогда, когда уходит от обсуждения так называемых “философских” проблем» [3. Р. 46]. Настоящий предмет философии – не метафизические отвлеченности, апории и гипотезы, аргументы и контраргументы, а «реальные проблемы реальных людей» (р. 18). В отличие от философов-аналитиков XX в., классики прагматизма – от Эмерсона и Сантаяны до Дьюи и Хука – были социально ангажированными мыслителями, активно участвовали в публичных дебатах, культурной и политической жизни. И сегодня «новые прагматисты» чувствуют себя неуютно в узких профессионально-академических рамках, стремятся к преодолению «школьных» границ, в том числе внутри самой дисциплины. «Многие из них хотя и воспитывались в традиции англо-американской аналитической философии, в какой-то момент,

благодаря прагматизму и как бы изнутри него, обратились к так называемой континентальной традиции, той или иной ее разновидности» (р. 120). Достаточно вспомнить всеядного Р. Рорти, писавшего о Хайдеггере и Деррида, или его визави Х. Патнэма с его интересом к Левинасу и Буберу.

Но что означает для современного профессионального философа в США «быть прагматистом»? Патнэмы напоминают, что прагматизм как философское направление никогда не отличался строгим теоретическим или концептуальным единством. Ф.К.С. Шиллер не был далек от истины, когда заявил, что количество прагматизмов приблизительно совпадает с количеством прагматистов. И сегодня, сто лет спустя после выхода в свет лекций Джеймса, ответ на вопрос «Что такое прагматизм?», замечает Р.А. Патнэм, «даже менее ясен, чем в конце XIX в.» (р. 351). Однако это не плохо. Существующее многообразие версий и историко-философских интерпретаций, по мнению авторов, свидетельствует скорее о жизнеспособности прагматистской традиции, ее открытости к новым и оригинальным идеям, нежели об исчерпанности или интеллектуальной размытости. Наследие Джеймса и Дьюи пользуется «спросом» на рынке философских идей, едва ли не большим, чем при жизни классиков. И обращаются к нему не только историки философии. Внушительная библиография в книге Патнэмов – убедительное тому подтверждение.

Факты и ценности

Радикальность прагматизма Джеймса и Дьюи (в отличие от прагматизма Пирса) заключалась, по мнению авторов книги, в стремлении порвать с декартово-кантовской метафизикой, со всеми ее различиями и псевдопроблемами, с субъект-объектной дихотомией. Прагматизм отказывается противопоставлять объективное субъективному, дескриптивное нормативному, эмпирическое теоретическому. Объективный мир невозможен без субъективного опыта. «Продукты человеческой деятельности, данные восприятия и результаты познания составляют важную часть реальности... которая была бы совсем иной, если бы формы нашей жизнедеятельности были другими» (р. 62). По мнению прагматистов, задаваться вопросом о том, что в нашем восприятии и познании мира «дается» извне, а что «прибавляется» нами самими, так же бессмысленно, как пытаться решить, какая нога важнее – левая или правая. Чтобы ходить, нужно пользоваться обеими (р. 155).

Как известно, критики обвиняли Джеймса в релятивизме, в отрицании объективной реальности, независимой от человеческого сознания. Мыслителя, считавшего себя «естественным реалистом», это смущало и огорчало. Несколько раз в книге Патнэмов (р. 48, 161, 191, 212) цитируется отрывок из письма Джеймса гарвардскому профессору Д.С. Миллеру, в котором философ пытается объяснить, что именно понималось им под реализмом. Представьте, говорит он, письменный стол, на котором рассыпана горсть фасолин. В том, как они расположены, можно увидеть различные схемы. Наблюдатель волен пересчитать фасолины или мысленно сгруппировать, соединить или разъединить их, структурировать любым образом, связать с тем или иным графическим знаком, фигурой, символом. «Что бы он ни делал, пока он *принимает во внимание* наличную действительность – фасолины, – его видение нельзя назвать ложным или неприемлемым. Тогда почему бы не назвать его

истинным? Оно *подходит* (fits) для фасолин как они существуют сами по себе, *без него* (beans-minus-him), и выражает *общий* факт, а именно факт существования фасолин, взятых *вместе с ним*, наблюдателем (beans-plus-him)) [4. Р. 295–296]. Понятие истины, рассмотренное под таким углом, приобретает «определенную двусмысленность», отмечает Джеймс. Одно дело просто пересчитать фасолины или картографировать их расположение на поверхности стола, другое дело сгруппировать их согласно схеме, замыслу или плану. В первом случае, говорит Джеймс, мы обнаруживаем интеллектуальную беспристрастность, а во втором руководствуемся неинтеллектуальными интересами. «Я утверждаю лишь следующее: не может быть „истины“ без *какого-либо* интереса, и неинтеллектуальные интересы играют такую же роль, как и интеллектуальные. Меня же с Шиллером обвиняют в отрицании самой реальности, т.е. фасолин, что они каким-то образом нас ограничивают. Это нелепо!» [4. Р. 296].

Иными словами, Джеймс признает, что реальность (некоторые «внешние сознанию постоянства») накладывает ограничения на наше теоретическое мышление. Однако эти ограничения представляются ему менее жесткими и обязывающими, чем «сциентисту» Пирсу. В терминологии У. Куайна, «недоопределенность» теории данными открывает достаточное поле возможностей для свободного выбора гипотез и описаний. «Не существует какого-то одного уникального описания, которое вменялось бы нам реальностью» (р. 162).

Джеймс, в интерпретации Патнэмов, полагал, что в некоторых случаях (но не во всех!) реальность сама по себе *не является* фактором, определяющим истинность или ложность наших идей. «К примеру, никакой объективный мир не может выбрать за нас наилучшую – единственно правильную – систему аксиом для теории множеств... *Наш* выбор системы Цермело–Френкеля или какой-то другой теории, наше согласие считать ее “истинной” или “правильной” будет зависеть в немалой степени от наших вкусовых предпочтений, от того *эстетического* удовольствия, которое могло бы доставить нам объяснение, предлагаемое теорией. В таких случаях “удовлетворение”, понимаемое достаточно широко, *является* фактором, определяющим “истину”» (р. 269–270).

Любимая тема позднего Х. Патнэма – критика «четвертой догмы» эмпиризма, дихотомии «факт – ценность», – развернуто представлена в его текстах о прагматизме, включая статьи, написанные в соавторстве с Р.А. Патнэм (в сборник вошли две из них). «Опыт никогда не бывает „нейтральным“, он дается нам вместе с ценностями», – утверждает Х. Патнэм (р. 65). «Факты „нагружены“ ценностями, а ценности – фактами», – соглашается Р.А. Патнэм (с. 408). Весь антипозитивистский радикализм Джеймса, Дьюи и Шиллера, по мнению авторов книги, можно свести к одной простой констатации «взаимозависимости» (interdependence) фактов и ценностей, *верификации* и *оценки*: «verification and valuation are interdependent» (р. 185).

«Ваяя» образ Джеймса-интеракционалиста, Патнэмы довольно легко обращаются с историческим материалом, выбирая сюжеты и тезисы, которые укладываются в заданную их собственными философскими предпочтениями схему интерпретации. Однако с 1897 по 1910 г. Джеймсом, мыслителем столь

же оригинальным, сколь и противоречивым, было высказано немало идей, идущих вразрез как с прагматическим реализмом Х. Патнэма, так и с когнитивизмом Р.А. Патнэм. В «Многообразии религиозного опыта» (1902), в частности, он настаивает на различении двух типов научного исследования (*orders of inquiry*) и соответствующих вопросов, представляющих теоретический интерес: первый вопрос – о *природе* рассматриваемого предмета или явления, второй – о *значении* или смысле его. «Ответ на первый вопрос дается в так называемом экзистенциальном суждении, ответ на второй – в суждении о ценности... Эти два суждения... вытекают из двух совершенно различных запросов нашего духа, и необходимо рассматривать их отдельно» [5. Р. 4]. Более четкого выражения эпистемологической антитезы «фактуальное – ценностное» во всей философской литературе XX в., наверное, не найти.

Хороша ли максима Пирса?

Апологетами Джеймса Патнэмов все же не назовешь. Они иногда критикуют его, но неакцентированно и как бы за компанию с Пирсом. В этом отношении показательна статья Р.А. Патнэм «Размышления о будущем прагматизма» (р. 108–120), в которой обсуждается максима Пирса. В изначальной формулировке она звучит так: «Рассмотрим, какие следствия практического характера могут производиться, как мы предполагаем, объектом нашего понятия; знание обо всех этих следствиях будет нашим полным знанием об объекте» [6. Р. 258]. А вот редакция Джеймса: «Чтобы выяснить точный смысл какого-нибудь утверждения, достаточно определить, какой способ действия (*conduct*) оно может вызвать: в этом способе действия и будет для нас заключаться все значение данного утверждения» [2. Р. 29]. Р.А. Патнэм высказывает соображения, которые заставляют, как минимум, усомниться в теоретической релевантности максимы Пирса для разрешения метафизических споров, в чем представлялась ее главная ценность Джеймсу и Шиллеру. Если все сводится к разнице «способов действия», вызываемых метафизическими гипотезами и утверждениями, наш выбор той или иной философии является, в сущности, *моральным* решением. Джеймс в «Воле к вере», например, утверждал, что детерминистическая картина мира ведет либо к пессимизму, либо к субъективизму со всеми вытекающими практическими следствиями: «бессильной сентиментальностью», «не знающим пределов сенсуализмом» и т.д. [7. Р. 132]. Выбор самого Джеймса – его представление о Вселенной как «индетерминистическом плюриверсуме» и мелиоризм – был *этически* мотивирован. «Возможно, Джеймс прав, все так называемые метафизические вопросы суть вопросы моральные, – допускает Р.А. Патнэм. – Что нам это дает? Сегодня, в начале XXI в., моральные противоречия, разделяющие людей, стоят не менее, если не более остро, чем метафизические проблемы. Сведение метафизических разногласий к моральным не кажется удачной стратегией, если мы ищем согласия, а не обострения спора» (р. 113). Добрую половину XX в., к примеру, ученые, философы и теологи спорили о том, является ли эмбрион человеком. Согласия как не было, так и нет. Все понимают, какие практические следствия может иметь отрицательный (или утвердительный) ответ на этот вопрос. «К сожалению, максима прагматизма никак не поможет

нам в разрешении спора о статусе человеческого зародыша, поскольку основная дискуссия разворачивается в этической плоскости, чем и обусловлена ее острота» (p. 113).

Очищенные от метафизических импликаций моральные аргументы часто бессильны в разрешении практически значимых философских споров. Причина все та же: верификация и оценка не могут не быть *взаимозависимыми*. Не только (объективные) факты «нагружены» (субъективными) ценностями, но и ценности – фактами.

Закрепление верования

В реконструкции Патнэмов Дьюи и Джеймс в основном занимались тем, что исправляли и адаптировали Пирса. «Сомнение», которое у Пирса носило субъективный характер, трансформируется у Дьюи в «проблематическую» (экзистенциально неопределенную) ситуацию, а «верование» (believe) с его психологическими и возможно релятивистскими коннотациями заменяется «обоснованным утверждением» (warranted assertion). «Проблематична сама ситуация, а не состояние сознания человека, который находит себя в ситуации и пытается осмыслить ее» (p. 418). Согласно Дьюи, гипотезы и идеи обоснованны (warranted), когда они «подходят» к сомнительной ситуации, как ключ подходит к замку или инструмент к материалу. Речь идет о том, чтобы решить саму проблему, «сделать ситуацию определенной, а не о том, чтобы перейти от чувства сомнения к чувству уверенности» (p. 297). Указанное различие между сомнением и сомнительностью принципиально важно для Дьюи: оно служит ему защитой против обвинений в субъективизме.

Х. Патнэм доказывает, что классики американского прагматизма, несмотря на подчеркнутую приверженность концепции истины, определяемой в терминах конечного соглашения (ultimate consensus), не были ни культурными релятивистами, ни эпистемологическими анархистами. «Пирс и Джеймс не допускали мысли, что конечное мнение может быть результатом произвольного выбора группы исследователей, которые просто *решают*, что считать истиной; оба настаивали на двоякой зависимости наших верований и убеждений: с одной стороны, от реальности, с другой – от наших предшествующих верований и убеждений» (p. 171). Рационально приемлемые и обоснованные («удобные для наличного опыта») идеи Джеймс называет «полуистинами»; в отличие от «абсолютной истины» Пирса (признаваемой Джеймсом [2. P. 106] и Дьюи [8. P. 345] в качестве «регулятивного идеала»), они погрешимы, а потому должны подвергаться постоянной коррекции и проверке. «„Абсолютно“ истинное, – цитирует Джеймса Р.А. Патнэм, – то, чего никакой дальнейший опыт не в состоянии изменить, представляет собой идеальный предел (ideal vanishing-point) исследования, в котором, как мы полагаем, пересекутся когда-нибудь все наши временные истины... До тех же пор мы должны жить той истиной, которую в состоянии достичь сегодня, и быть готовыми назвать ее завтра ложью» [2. P. 106–107]. Последняя ремарка Джеймса свидетельствует о том, что он является фаллибилистом, но не скептиком. Любые наши гипотезы и идеи, говорят прагматисты, могут быть опровергнуты опытом, однако «это не повод сомневаться во всех убеждениях, отбросив понятие „истины“» (p. 132). Можно быть фаллибилистом и ан-

тискептиком одновременно; осознание этой возможности Х. Патнэм и Р.А. Патнэм считают «главной интуицией» американского прагматизма. «Сомнение должно быть обоснованным – в этом согласны все классики прагматизма. Если я вижу перед собой стул и у меня нет оснований не доверять тому, что я вижу (своему восприятию), я просто констатирую факт. „Я вижу х“ не означает „Как мне кажется, я вижу х“. Иными словами, „Я вижу стул“ не является „выводом“» (р. 273).

«Максиму» прагматизма от Патнэмов можно сформулировать так: «Не сомневайтесь в том, в истинности чего вы убеждены, если считаете, что у вас нет оснований сомневаться». Однако, возразил бы скептик, «достаточно ли у вас оснований всякий раз полагать, что основания сомневаться отсутствуют?» Как бы ответил на это возражение патнэмовский фаллибилист-антискептик? «Не сомневайтесь в том, что у вас достаточно оснований не сомневаться»? Единственным критерием релевантности наших сомнений и верований является практика, убеждены авторы книги (р. 154). «Если ваше зрение вас обмануло, из дальнейшего опыта вы об этом, скорее всего, узнаете» (р. 273). А как мы узнаем, что этот дальнейший опыт, в свою очередь, нас не обманывает? Из опыта, следующего за дальнейшим?

Больше, чем прагматизм

Дьюи в интерпретации Патнэмов предстает первым антиинтуиционистом (Пирс с его экспликацией «четырёх неспособностей» интеллекта в этой связи даже не упомянут) и критиком «мифа о данном». Нам ничего не *дается*; всякое восприятие опосредовано предшествующим опытом; вместо «*givens*», по мнению Дьюи, следовало бы говорить о «*takens*» [9. Р. 178]. «Воспринимаемое субъектом, его перцепты, являются функцией его идиосинкратических состояний, индивидуальных потребностей, убеждений, интересов и ценностей, – рассуждает Р.А. Патнэм. – ...Эмерсон в очерке „Природа“ учит нас „отличать бревно, поваленное лесорубом, от дерева, воспетого поэтом“. Некоторые философы возразят, что бревно лесоруба и дерево поэта – один и тот же физический объект, научное описание которого не обусловлено ничьим интересом... Этот объект таков, каков он есть, совершенно независимо от нас» (р. 414). Конечно, соглашается Р.А. Патнэм, такое нейтральное описание и возможно, и в ряде случаев даже желательно, но отсюда не следует, что физическая картина мира «ближе» к реальности, чем, скажем, поэтическая или религиозная. Кроме того, ошибкой было бы думать, что эта картина не отвечает нашему интересу. Напротив, мы *заинтересованы в незаинтересованном знании!* «Во-первых, – поясняет автор, – чтобы некоторые из наших потребностей были удовлетворены, мы нуждаемся в знаниях, „поставляемых“ физикой и родственными ей научными дисциплинами; а во-вторых, некоторые люди в действительности страстно заинтересованы в приобретении указанных знаний безотносительно каких-то других интересов и целей, которым оно могло бы служить» (р. 415).

Вспоминается известное высказывание Г.К. Честертона о прагматистах: «они пекутся о нуждах человека, но одна из главных потребностей человека – быть чем-то большим, чем прагматист» [10. Р. 64]. Кажется, Патнэмы никакого противоречия в этом не видят. Желание «большего, чем прагматизм», вполне прагматично! Вы прагматист, даже если вы об

этом не знаете. Хуже того: вы прагматист, даже если вы знаете, что вы не прагматист.

Литература

1. Rorty R. Consequences of Pragmatism. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1982. 237 p.
2. James W. Pragmatism // The Works of William James / ed. by F.H. Burkhardt, F. Bowers, I.K. Skrupskelis. Cambridge : Harvard University Press, 1975. Vol. 1. 360 p.
3. Dewey J. Reconstruction in Philosophy // The Middle Works of John Dewey / ed. by J.A. Boydston. Carbondale : Southern Illinois University Press, 1920. Vol. 12. 354 p.
4. James to Dickerson S. Miller, 5 August 1907 // The Letters of William James / ed. by H. James Jr. Boston : Atlantic Monthly Press, 1920. Vol. 2. P. 295–296.
5. James W. The Varieties of Religious Experience: a Study in Human Nature. New York : Longmans, Green and Company, 1905. 534 p.
6. Collected Papers of Charles Sanders Peirce / ed. by C. Hartshorne, P. Weiss. Cambridge : Harvard University Press, 1974. Vol. 5. 462 p.
7. James W. The Will to Believe and Other Essays in Popular Philosophy // The Works of William James / ed. by F.H. Burkhardt, F. Bowers, I.K. Skrupskelis. Cambridge : Harvard University Press, 1979. Vol. 6. 490 p.
8. Dewey J. Logic: The Theory of Inquiry // The Later Works of John Dewey / ed. by J.A. Boydston. Carbondale : Southern Illinois University Press, 1938. Vol. 12. 796 p.
9. Dewey J. The Quest for Certainty: A Study of the Relation of Knowledge and Action. New York : Minton, Balch and Company, 1929. 302 p.
10. Chesterton G.K. Orthodoxy. New York : John Lane Co., 1908. 299 p.

Igor D. Dzkhkhadze, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: joe99@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 269–277.

DOI: 10.17223/1998863X/44/25

“PRAGMATISM AS A WAY OF LIFE”: HILARY PUTNAM AND RUTH ANNA PUTNAM ON THE PHILOSOPHICAL LEGACY OF JAMES AND DEWEY

Keywords: pragmatism; Peirce's maxim; the fact/value dichotomy; doubt; belief.

The writings of Hilary and Ruth Anna Putnam, collected by David Macarthur for Harvard UP, invite us to take a fresh look at the history of American pragmatism. William James and John Dewey are viewed as paradigmatic pragmatists, the only true representatives of the tradition. It is widely believed that James played a secondary though, no doubt, practically important role in the development of pragmatism. The Putnams disagree: William James can be rightly considered to be a co-founder of the pragmatist school. In his debut article published in *The Journal of Speculative Philosophy* in 1878, James acutely criticises Spencer's positivism. The naive-realistic model of cognition as representation (the spectator's point of view) is contrasted here with the idea of interaction with reality through its study and adaptation (the agent point of view). James's "knower" does not passively register facts and ready-made truths, reflecting an order he comes upon and finds simply existing, but "creates" truths. In apprehending the world, we change it. For pragmatists, human experience is never "neutral": verification and valuation are "interdependent". In the Putnams' reconstruction, Dewey and James were mainly concerned with rectification and adaptation of Peirce's ideas. The key concept of Peircean pragmatism, "doubt", transforms in Dewey's writings into a "problematic" (existentially uncertain) situation, and "belief" with its psychological and possibly relativistic connotations is replaced by "warranted assertion". It is not the perceiver's state of mind, R.A. Putnam says, but the situation itself that is problematic. A true hypothesis is like the key that fits a lock; it enables us to move from an indeterminate situation into one that is determinate, not from feeling of doubt to feeling of certainty. Dewey and James were fallibilists, but certainly not skeptics. According to classicopragmatism, any of our hypotheses can be refuted, and expectations frustrated, but that is no reason to suspend all belief, or to refuse to use the term "true". Doubts require justification just as much as beliefs. That one can be both fallibilistic and anti-skeptical is "the basic insight" of American pragmatism, the Putnams suggest.

References

1. Rorty, R. (1982) *Consequences of Pragmatism*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
2. James, W. (1975) Pragmatism. In: Burkhardt, F.H., Bowers, F. & Skrupskelis, I.K. (eds) *The Works of William James*. Vol. 1. Cambridge: Harvard University Press.
3. Dewey, J. (1920) Reconstruction in Philosophy. In: Boydston, J.A. (ed.) *The Middle Works of John Dewey*. Vol. 12. Carbondale: Southern Illinois University Press.
4. James, W. (1920) James to Dickerson S. Miller, 5 August 1907. In: James H. Jr. (ed.) *The Letters of William James*. Vol. 2. Boston: Atlantic Monthly Press. pp. 295–296.
5. James, W. (1905) *The Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature*. New York: Longmans, Green and Company.
6. Hartshorne, C. & Weiss, P. (eds) (1974) *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*. Vol. 5. Cambridge: Harvard University Press.
7. James, W. (1979) The Will to Believe and Other Essays in Popular Philosophy. In: Burkhardt, F.H., Bowers, F. & Skrupskelis, I.K. (eds) *The Works of William James*. Vol. 6. Cambridge: Harvard University Press.
8. Dewey, J. (1938) Logic: The Theory of Inquiry. In: Boydston, J.A. (ed.) *The Later Works of John Dewey*. Vol. 12. Carbondale: Southern Illinois University Press.
9. Dewey, J. (1929) *The Quest for Certainty: A Study of the Relation of Knowledge and Action*. New York: Minton, Balch and Company.
10. Chesterton, G.K. (1908) *Orthodoxy*. New York: John Lane Co.